

ДВАЖДЫ ЛАУРЕАТ БУКЕРОВСКОЙ ПРЕМИИ
ЛАУРЕАТ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ ПО ЛИТЕРАТУРЕ

ДЖ. М. КУТЗЕЕ

ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ!

Один из важнейших
англоязычных авторов
двадцатого, а теперь
и двадцать первого
века.

THE TIMES

Большой роман (Аттикус)

Джон Максвелл Кутзее

Поляк

«Азбука-Аттикус»

2023

УДК 821.111
ББК 84(6Южн)-44

Кутзее Д.

Поляк / Д. Кутзее — «Азбука-Аттикус», 2023 — (Большой роман (Аттикус))

ISBN 978-5-389-23820-6

Впервые на русском – новейший роман прославленного Джона Максвелла Кутзее, дважды лауреата «Букера» и лауреата Нобелевской премии по литературе, «последнего из наших великих писателей» (Nation), знаменитого автора таких романов, как «Бесчестье» и «В ожидании варваров», а также автобиографической трилогии «Сцены из жизни провинциала». Беатрис – молодожаво-грациозная дама из Барселоны, мать двоих детей, жена банкира, активная участница Концертного Круга меломанов. Однажды Концертный Круг приглашает выступить в Барселоне польского пианиста Витольда, в фамилии которого столько букв «ч», что никто не может ее выговорить и все называют его просто поляком. Он «известный интерпретатор Шопена, впрочем достаточно своеобразный: его Шопен ничуть не романтик, напротив, он строг, Шопен как наследник Баха». Поначалу Витольд не производит на Беатрис особого впечатления, а вот она на него – еще какое. Но как донести свои истинные чувства на языке, который тебе не родной?..

УДК 821.111
ББК 84(6Южн)-44

ISBN 978-5-389-23820-6

© Кутзее Д., 2023
© Азбука-Аттикус, 2023

Содержание

Благодарности	8
Часть первая	9
Часть вторая	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Джон Максвелл Кутзее

Поляк

J. M. Coetzee

THE POLE

Copyright © 2023 by J. M. Coetzee

By arrangement with Peter Lampack Agency, Inc.

350 Fifth Avenue, Suite 5300

New York, NY 10118 USA

All rights reserved

Оформление обложки Вадима Пожидаева

© М. В. Клеветенко, перевод, 2023

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Иностранка®

* * *

Кутзее – наш самый радикальный хамелеон.

Australian

Один из важнейших англоязычных авторов двадцатого, а теперь и двадцать первого века.

The Times

Кутзее – величайший, пожалуй, философ современности, предпочитающий мыслить в жанре художественной прозы. Каждое новое пополнение его творческого наследия – редкий подарок. За какие же заслуги дарован нам такой мастер?

Age

От знаменитого автора «Бесчестья» – новейший роман о польском пианисте, влюбляющемся в женатую испанку. Сперва она пытается его игнорировать – но мало-помалу невольно вовлекается в его орбиту. Не зря Кутзее так ценят за филигранное изображение сложных человеческих отношений и переменчивой расстановки сил в них.

LitHub

Ожидаемо прекрасно... Кутзее – самый, наверное, выдающийся живой классик.

Radio New Zealand

Свободный от любых литературных условностей, мистер Кутзее не ставит перед собой задачи давать ответы; его задача – формулировать великие вопросы.

Economist

Кутзее – один из лучших писателей наших дней.

Sunday Times

В этом романе характерная авторская манера изящно оттеняет эмоциональный хаос и непредсказуемость самой жизни; «искусство прозы» в своем высочайшем проявлении.

Books+Publishing

Кутзее – не просто литератор первой величины, а натуральная сила природы.

Sunday Star Times

С поистине толстовской безбоязненностью, но также с искренним сочувствием Кутзее рассматривает здесь вещи, которые становятся важными на закате – жизни, любви, истории.

Australian Book Review

Великая литература – а Кутзее несомненно творит именно великую литературу – делает человека лучше, поднимает его над ошибками повседневности. В «Поляке» Кутзее опять исследует любимые темы, от онтологии бытия до природы вождения. Обманчиво безмятежная поверхность скрывает неожиданные глубины, с проблесками юмора, меланхолии, глобальной экзистенции, одержимости прошлым.

Guardian

Новый роман Кутзее – своего рода постскрипtum к его недавней трилогии об Иисусе – так и лучится неповторимым юмором, глубокими озарениями...

Substack

О Кутзее в последнее время было написано великое множество и статей, и литературоведческих трудов – и, читая «Поляка», нетрудно понять почему. Настоящий подарок и давним почитателям мастера, и тем, кто только открывает для себя его творчество.

Conversation

Роман сокрушительной оригинальности... интенсивный ток полнокровного чувства пронизывает читателя на каждом сюжетном зигзаге. Кутзее рисует мир, до боли знакомый нам в мельчайших деталях, и пробуждает эмоции удивительного накала и странности. Как бы ни было это слово истерто, перед нами именно шедевр, подлинное чудо, непостижимое, трогательное и глубокое.

Weekend Australian

Поистине уникально – и при этом содержит все то, за что мы давно полюбили Кутзее: элегантный стиль, утонченный юмор, фирменное нежелание давать готовые ответы. Великие книги открывают читателям дверь в новый мир. И в данном случае это мир музыки Шопена – среди прочих миров...

Saturday Paper

Книги Кутзее удивительным образом и затягивают читателя с головой, и побуждают к философскому самоанализу.

Good Reading

Кутзее вернулся к своим привычным и плодотворным наваждениям – загадка жизни, напряжение между скрытым и явным, свободой воли и предопределением. Новое выдающееся произведение в ряду признанных шедевров, посвященных пианистам, таких как «Безутешные» Кадзуо Исигуро, «Пропавший» Томаса Бернхарда, «Равель» Жана Эшнотта.

Clarín

«Поляк» демонстрирует неистощимую палитру ощущений, в диапазоне от слепой, нерассуждающей любви до простого человеческого сочувствия.

El País

Таинственные отношения между искусством, любовью и человеческим опытом новый роман Кутзее утверждает самым недвусмысленным образом, выводя на первый план глубинные взаимовлияния музыки и языка.

Booklist

Кутзее виртуозно препарирует требования, которые мы предъявляем к искусству и творцам искусства.

TimeOut New York

С утонченным, почти невидимым героизмом персонажи Кутзее пытаются жить будничной жизнью; иногда им это даже удается.

The San Diego Union-Tribune

Кутзее – один из величайших мастеров неявного и недосказанного.

New York Review of Books

Кутзее пишет с хирургической точностью и экономией. Его фразы – как сжатые пружины; на то, чтобы накопить столько же энергии, другим авторам понадобились бы десятки страниц.

The New Yorker

Последний из наших великих писателей, Кутзее давно обжил и исследовал вдоль и поперек тот духовный и интеллектуальный тупик, о котором большинство современников даже не подозревают.

Nation

Автор, который заново изобрел законы жанра, всегда объявляется изгоем. Кутзее стал таким полвека назад с выходом своего первого же романа – и отнюдь не думает исправляться.

New York Times Book Review

Его обманчиво безыскусная проза отточена до остроты бритвенного лезвия. Человеческую природу со всеми ее непредсказуемыми вывертами Кутзее привычно вскрывает до самого дна души.

Publishers Weekly

Благодарности

Я благодарю Марианну Димопулос, Жоржа Лори и Валери Майлз за советы во время работы над «Поляком».

Часть первая

1

Неприятности начинаются с женщины – мужчина вскоре добавит своих.

2

Поначалу он твердо знает, какой она будет. Высокая и грациозная, не красавица, если судить по обычным меркам, но ее черты поражают: темные волосы и глаза, высокие скулы, полные губы, а голос – низкое контральто – обладает вкрадчивым обаянием. Сексуальна? Нет, и уж точно не соблазнительна. В молодости – возможно (странно было бы, если бы не, с такой-то фигурой), но сейчас, когда ей ближе к пятидесяти, в ней проглядывает некоторая отстраненность. Это особенно заметно, когда она ходит – не покачивая бедрами, а прямо, даже величаво скользя по полу.

Так бы он описал ее внешность. Что до нее самой, до ее души, то, чтобы раскрыться, ей требуется время. В одном он уверен: человек она хороший, добрая, приветливая.

3

С мужчиной хлопот больше. Общий замысел ясен. Поляк, довольно энергичный для своих семидесяти, концертирующий пианист, известный интерпретатор Шопена, впрочем достаточно своеобразный: его Шопен ничуть не романтик, напротив, он строг, Шопен как наследник Баха. В этом смысле поляк на концертной сцене своего рода дикий индеец, и это привлекает к нему внимание небольшого, но взыскательного Концертного Круга меломанов из Барселоны – города, куда его пригласили, города, где он встретит грациозную женщину с вкрадчивым голосом.

Стоит поляку выступить на свет, он начинает меняться. С такой впечатляющей седой гривой и своеобразной исполнительской манерой он обещает стать личностью весьма яркой. Однако его натура, его чувства ускользают, и это тревожит. Несомненно, играет он с душой, но душа, что управляет им, ему не принадлежит – это душа Шопена. И если кому-то она кажется сухой и суровой, возможно, это отражение его собственной сдержанности.

4

Откуда они появились, высокий польский пианист и элегантная женщина с плавной походкой, жена банкира, занятая благотворительностью? Весь год они стучались в дверь, желая, чтобы им открыли или отпустили их на покой. Выходит, пришло их время?

5

Приглашение исходит от Концертного Круга, который уже много десятилетий организует сольные концерты знаменитостей в зале Момпоу¹ в Готическом квартале² Барселоны. Билеты

¹ Федерико Момпоу (1893–1987) – каталонский пианист и композитор, среди его сочинений есть «Вариации на тему

можно купить, дорого, поэтому публика состоит из немолодых, богатых и весьма консервативных в своих музыкальных пристрастиях слушателей.

Женщина, о которой идет речь, – ее имя Беатрис – состоит в правлении Круга, занимаясь устройством концертов. Для нее это общественная нагрузка. Помимо прочего, она верит, что музыка имеет самостоятельную ценность, как любовь, благотворительность или красота, и что музыка делает людей лучше. И пусть ее убеждения наивны, отступать от них она не намерена. Беатрис умна, но не склонна к рефлексии. Ум подсказывает ей, что избыток размышлений способен парализовать волю.

6

Решение пригласить поляка, в фамилии которого столько «ч», что никто в правлении не способен ее произнести, и поэтому они называют его просто «поляком», принимается без сомнений. Его кандидатуру предлагает не она, Беатрис, а ее подруга Маргарита, идейная вдохновительница серии концертов, – в молодости Маргарита училась в мадридской консерватории и разбирается в музыке гораздо лучше, чем Беатрис.

У себя на родине, утверждает Маргарита, поляк проложил путь новому поколению интерпретаторов Шопена. Она рассылает рецензию на его лондонский концерт. По мнению рецензента, мода на жесткого, бравурного Шопена – Шопена в роли Прокофьева – отжила свое. Она всегда отражала реакцию модернистов на репутацию франко-польского гения, которого считали утонченным, мечтательным, «женственным». Исторически аутентичный Шопен мягок и не лишен итальянского колорита, а его новаторская трактовка, пусть даже чрезмерно аналитическая, заслуживает похвалы.

Она, Беатрис, не уверена, что готова весь вечер слушать исторически аутентичного Шопена и, что важнее, готов ли к новой трактовке довольно закостенелый Концертный Круг. Но Маргарита настаивает, и Беатрис принимает сторону подруги.

Приглашение с предложенными датой концерта и суммой гонорара отослано – и принято. И вот настает этот день. Поляк прилетает из Берлина, в аэропорту его встречают и отвозят в отель. Согласно плану после концерта Беатрис вместе с Маргаритой и ее мужем ведут гостя ужинать.

7

Почему на ужине не будет мужа самой Беатрис? Ответ: он никогда не участвует в мероприятиях, организуемых Кругом.

8

План достаточно прост. Однако возникает заминка. Утром Маргарита сообщает по телефону, что на концерт не придет. Она формулирует довольно расплывчато: *caído enferma*, заболела. Чем именно? Маргарита не признается. Она уклончива, и, кажется, неспроста. Как бы то ни было, на концерте Маргариты не будет. Не будет и ее мужа. Поэтому не могла бы она, Беатрис, взять на себя роль гостеприимной хозяйки? Позаботиться, чтобы гостя вовремя доставили из отеля в концертный зал, а после развлечь, если он того пожелает. Чтобы, вернувшись домой, он сказал друзьям: «Да, я чудесно провел время в Барселоне, да, меня там хорошо принимали».

Шопена» – Здесь и далее примеч. перев.

² Готический квартал (Барри Готик) – одна из главных достопримечательностей Барселоны, отреставрированный квартал римских и средневековых построек, знаменитый площадями, церквями и дворами.

– Ладно, – говорит Беатрис. – Я готова. Поправляйся.

9

Они с Маргаритой вместе учились в монастырской школе; ее всегда восхищал характер подруги, ее предприимчивость, умение себя подать. Теперь Беатрис придется занять ее место. Что это значит – развлечь мужчину, которого ненадолго занесло в незнакомый город? Разумеется, на секс он не рассчитывает, в его-то годы. Однако наверняка надеется на лесть или даже флирт, а это не то искусство, в котором сильна Беатрис. В отличие от Маргариты. Та другая. Легко сходится с мужчинами. Она, Беатрис, не раз с удовольствием наблюдала, как подруга одерживает победы. Но подражать ей Беатрис не намерена. И если их гость вообразил, будто ему будут петь дифирамбы, придется его разочаровать.

10

По словам Маргариты, поляк – «действительно выдающийся пианист». Ей довелось посетить его концерт в Париже. Может быть, между этими двумя что-то было? И, организовав его визит в Барселону, Маргарита в последнюю минуту струсила? Или мужу наконец надоело и он выставил ей ультиматум? И ее «заболела» следует понимать именно так? Зачем все усложнять?

И поэтому теперь ей придется ублажать незнакомца! Нет никаких оснований полагать, что он знает испанский. А что, если он и английским не владеет? Или из тех поляков, что изъясняются по-французски? Среди завсегдатаев Круга по-французски говорят только супруги Лесински, Эстер и Томас; Томасу за восемьдесят, и он очень сдал. Вряд ли поляк ожидает, что вместо энергичной Маргариты ему подсунут дряхлых Лесински.

Предстоящий вечер ее не радует. Что за жизнь у бродячих артистов, думает Беатрис. Аэропорты, отели – разные, но все на одно лицо; организаторы концертов, под которых приходится подлаживаться, – разные, но тоже на одно лицо: восторженные дамочки средних лет, сопровождаемые изнывающими от скуки мужьями. Достаточно, чтобы загасить любую искру, если она еще теплится.

Хорошо хоть она не собирается им восторгаться. Или болтать без умолку. Если после концерта он захочет погрузиться в угрюмое молчание, она составит ему компанию.

11

Организовать выступление, проследить, чтобы все прошло гладко, – дело нелегкое. С обеда она в концертном зале, подбадривает персонал (по опыту она знает, их старший не особенно расторопен), ставит галочки напротив пунктов плана. Так ли необходим план? Нет. Но вниманием к деталям Беатрис докажет, что обладает усердием и компетенцией. По сравнению с ней поляк покажет себя непрактичным и непредусмотрительным. Если подсчитывать добродетели, то у поляка бóльшая их часть расходуется на музыку, а на взаимодействие с окружающим миром остается всего ничего; она же расходует свои добродетели равномерно, во всех направлениях.

12

На рекламных снимках мужчина с резким профилем и копной седых волос смотрит вдаль. К снимкам прилагается биография: Витольд Вальчукевич родился в 1943 году, на сцене дебютировал в возрасте четырнадцати лет. Перечисляются его награды, некоторые записи.

Она гадает, каково это – родиться в 1943 году в Польше, в разгар войны, когда нечего было есть, кроме супа из капусты и картофельных очистков? Дает ли это задержку в физическом развитии? А как насчет характера? Повлияло ли на Витольда В., на его кости, на его дух голодное детство?

Ребенок, плачущий в ночи, скулящий от голода.

Она родилась в 1967 году. В 1967-м никому в Европе не приходилось хлебать суп из картофельных очистков – ни в Польше, ни в Испании. Она никогда не голодала. Никогда. Благословенное поколение.

Благословенны и ее сыновья. Из них вышли энергичные молодые мужчины, самостоятельно торящие путь к жизненному успеху. Если им и случалось плакать ночью, то лишь из-за того, что натер подгузник, или просто из вредности, но никак не от голода.

В стремлении к успеху ее сыновья пошли в отца, не в мать. Их отец определенно многого добился в жизни. А что до матери – сразу и не скажешь. Достаточно ли произвести на свет двух упитанных и сильных особей мужского пола?

13

Она умна, хорошо образованна, начитанна, образцовая мать и жена. Однако никто не воспринимает ее всерьез. Как и Маргариту. Как и остальных женщин из их Круга. Светские дамы – предмет насмешек. Легко смеяться над их благими делами. Они и сами не прочь над собой посмеяться. Какая нелепая судьба! Могла ли она догадываться, что ее ждало?

Возможно, поэтому Маргарита решила заболеть именно сегодня. *¡Basta!* Хватит благотворительности!

14

Ее собственный муж держит дистанцию от ее Концертного Круга. Он верит в разделение сфер. Ее сфера деятельности должна принадлежать только ей.

Они с мужем больше не близки. Когда-то они вместе учились в университете; он был ее первой любовью. В те давние дни их было друг от друга не оторвать. Эта ненасытность не исчезла после рождения детей. Но в один прекрасный день все закончилось. Его к ней больше не тянуло, ее не тянуло к нему. Тем не менее Беатрис осталась ему верна. Мужчины флиртуют с ней, она уклоняется, но не потому, что ей неприятны их заигрывания, – она еще не готова к шагу, сделать который может только она, к шагу между «нет» и «да».

15

Она впервые видит поляка во плоти, когда он выходит на сцену, кланяется и усаживается за «Стейнвей».

Родился в 1943 году, сейчас ему семьдесят два. Легок на подъем и не выглядит на свои годы.

Ее поражает его рост. Поляк не только высокий, но и крупный, грудь выпирает из-под фрака. Когда он нависает над клавишами, то похож на огромного паука.

Трудно вообразить, что эти ручки способны извлечь из клавиатуры что-то нежное и кроткое. Однако они справляются.

Нет ли у пианистов-мужчин врожденного преимущества перед женщинами? У женщины такие руки смотрелись бы нелепо.

Раньше она не придавала большого значения рукам – послушным слугам, которые трудятся во благо хозяина, не прося оплаты. В ее руках нет ничего особенного. Руки женщины, которой скоро исполнится пятьдесят. Иногда она прячет их. Руки выдают возраст, как и шея, и складки подмышками.

Во времена ее матери женщина еще могла появляться на публике в перчатках. Перчатки, шляпки, вуали – последние следы ушедшей эпохи.

16

Второе, что поражает ее в поляке, – его шевелюра: эксцентрично седовласая, эксцентрично стоящая дыбом. Беатрис гадает, как он готовится к выступлению: сидит в гостиничном номере, пока парикмахер делает ему начес? А впрочем, что за придирки. Для музыкантов его поколения, наследников аббата Листа, грива, белая или с проседью, вероятно, необходимый аксессуар.

Спустя годы, когда история с поляком отойдет в прошлое, она задумается об этих ранних ощущениях. В целом она верит, что первое впечатление не обманывает и сердце выносит вердикт, либо потянувшись к незнакомцу, либо отшатнувшись от него. Ее сердце не дрогнуло, когда поляк вышел на сцену, встряхнул шевелюрой и сел за рояль. Вердикт ее сердца: «Что за позер! Какой-то старый клоун!» Потребуется время, чтобы преодолеть эту первую, интуитивную реакцию, разглядеть его особость, его самость. А что, в конце концов, входит в эту самость? Разве может Беатрис быть уверена, что самость не включает, помимо прочего, и позу старого клоуна?

17

Концерт состоит из двух отделений. В первом исполняется соната Гайдна и танцевальная сюита Лютославского. Второе посвящено двадцати четырем шопеновским прелюдиям.

Соната Гайдна в его исполнении хрупка и чиста, он словно демонстрирует, что эти крупные кисти вовсе не грубы и способны порхать, как дамские ручки.

Маленькие пьесы Лютославского она слышит впервые. Они напоминают ей крестьянские танцы Бартока. Они ей нравятся.

Они нравятся ей больше, чем следующий за ними Шопен. Возможно, поляк и сделал себе имя как его интерпретатор, но Шопен, которого знает она, сокровеннее и нежнее. Ее Шопен способен перенести Беатрис из Барри Готик, из Барселоны, в гостиную большой старинной усадьбы на далеких польских равнинах, где долгий летний день подходит к концу, ветерок колышет занавески, а в доме витает аромат роз.

Перенестись, потеряться в пути: определенно устаревшее представление о том, что музыка делает с теми, кто ее слушает, – устаревшее и к тому же сентиментальное. Но это то, чего ей хочется сегодня вечером, и этого поляк ей не дает.

За последней прелюдией следуют аплодисменты: вежливые, но без энтузиазма. Она не единственная, кто пришел послушать Шопена в исполнении настоящего поляка и был разочарован.

На бис, в знак признательности хозяевам, он в довольно рассеянной манере исполняет короткую пьесу Момпоу, после чего удаляется без тени улыбки.

Не в настроении? Или он такой всегда? Собирается позвонить домой и пожаловаться на прием, оказанный ему каталонскими обывателями? Есть ли мадам полячка, готовая выслушать его сетования? На женатого он не похож. Скорее, на мужчину, за плечами у которого не один развод, а бывшие жены скрипят зубами, желая ему зла.

18

Оказывается, по-французски он не говорит. Однако довольно сносно изъясняется по-английски; Беатрис после двух лет в колледже Маунт-Холио³к свободно владеет английским. Поэтому полиглоты Лесински им без надобности. Впрочем, хорошо, что они рядом, снимая часть бремени с ее плеч. Особенно Эстер. Старенькая и согбенная, она тем не менее остра, как булавочное острие.

19

Они ведут его в ресторан, куда обычно водят музыкантов, – итальянское заведение «Боф-фини», в интерьере которого, возможно, и многовато бутыльно-зеленого бархата, зато кухней заведует надежный шеф-повар из Милана.

После того как они рассаживаются, первой заговаривает Эстер:

– Должно быть, нелегко спускаться на землю с облаков, где вы парили со своей возвышенной музыкой, маэстро.

Поляк наклоняет голову, не соглашаясь насчет парения в облаках, но и не возражая. Вблизи возраст заметнее. Мешки под глазами, обвисшая кожа на горле, пигментные пятна на тыльной стороне кистей.

Маэстро. Прежде всего следует определиться с именами.

– Если позволите, – говорит она, – как к вам обращаться? Думаю, вы успели заметить, нам, испанцам, польские имена кажутся сложными. Нельзя же называть вас весь вечер маэстро.

– Мое имя Витольд, – отвечает он. – Можете так ко мне обращаться. Пожалуйста.

– А я Беатрис. наших друзей зовут Эстер и Томас.

Поляк поднимает пустой бокал, приветствуя троих новых друзей: Эстер, Томаса, Беатрис.

– Наверняка, Витольд, я не первая, кто путает вас с тем знаменитым шведским актером... вы знаете, о ком я.

Тень улыбки пробегает по лицу поляка.

– Макс фон Зюдов, – говорит он. – Мой злобный братец. Преследует меня везде, где бы я ни появился.

Эстер права: то же вытянутое скорбное лицо, те же выцветшие голубые глаза, та же гордая осанка. Только голос разочаровывает. Ему явно не хватает глубины тембра «злобного братца».

20

– Расскажите нам о Польше, Витольд, – говорит Эстер. – Объясните, почему ваш соотечественник Шопен предпочел жить во Франции, а не на родине.

– Если бы Шопен прожил подольше, он вернулся бы, – отвечает поляк, с явным усилием, но безошибочно расставляя времена. – Он был молод, когда уехал, – и молод, когда умер. Дома молодые несчастливы. Вечно ищут приключений.

– А вы? – спрашивает Эстер. – В молодости вы, как и он, были несчастны на родине?

Для поляка Витольда это возможность рассказать, каково быть молодым и неугомонным на своей несчастной родине, о желании сбежать на декадентский, но такой манящий Запад, но он ею не пользуется.

³ Один из старейших (основан в 1837 г. пионеркой женского образования Мэри Лайон) и лучших частных женских колледжей Америки; расположен в Саут-Хэдли, штат Массачусетс.

– Счастье – это не важное... не главное чувство, – отвечает он. – Каждый может быть счастливым.

«Каждый может быть счастлив, но для того, чтобы быть несчастным, нужен некто особенный, кто-то вроде меня» – он это имеет в виду?

– Тогда какое чувство важнее, Витольд? – слышит Беатрис свой голос. – Если счастье не главное, что тогда важно?

За столом становится тихо. Эстер с мужем переглядываются. «Зачем она все усложняет? Нам предстоят несколько трудных часов, а она намерена сделать их еще труднее?»

– Я музыкант, – говорит он. – Музыка для меня важнее всего.

Он не отвечает на вопрос, уклоняется, но это не имеет значения. О чем ей действительно хочется спросить, но она этого не делает: «А как же мадам Витольд? Что она чувствует, когда ее муж заявляет, что счастье не главное? Или нет никакой мадам Витольд – мадам давным-давно сбежала, чтобы обрести счастье в объятиях другого?»

21

О мадам Витольд он не упоминает, зато рассказывает о дочери, которая училась музыке, затем уехала в Германию играть в группе и обратно не вернулась.

– Однажды я слышал ее. В Дюссельдорфе. Мне понравилось. Хороший голос, хорошая подача, но сама музыка не очень.

– Да, с молодыми так всегда... – говорит Эстер. – Причиняют нам столько душевных страданий. Но вы должны радоваться, что музыкальная линия в семье продолжается. А как обстоят дела в вашей стране? Я помню хорошего папу, он же оттуда? Иоанн Павел.

Похоже, поляк не хочет обсуждать Иоанна Павла, хорошего папу римского. Она, Беатрис, не считает Иоанна Павла хорошим папой. И даже хорошим человеком. С самого начала он казался ей интриганом и политиканом.

22

Они обсуждают молодого японского скрипача, который выступал в прошлом месяце.

– Выдающее техническое мастерство, – говорит Томас. – Там, в Японии, они очень рано начинают. В два, в три года ребенок повсюду таскает с собой скрипку. Даже в туалет! Скрипка становится частью тела, как третья рука. А вы когда начали, маэстро?

– Моя мать была певицей, – отвечает поляк, – поэтому в доме всегда звучала музыка. Мать была моей первой учительницей, потом другой учитель, потом академия в Кракове.

– Значит, вы всегда были пианистом. С самого детства.

Поляк серьезно раздумывает над словом «пианист».

– Я был человеком, который играет на фортепьяно, – наконец говорит он. – Как тот человек, который компостирует в автобусе билеты. Он человек, и он компостирует, но он не компостер.

Значит в польских автобусах есть люди, которые пробивают дырки в билетах, – там до сих пор не усовершенствовали систему. Может быть, поэтому юный Витольд не сбежал в Париж, как его музыкальный герой. Потому что в Польше есть люди, которые компостируют билеты, и люди, которые играют на фортепьяно. Впервые Беатрис думает о нем с теплотой. «Возможно, под этой важной наружностью скрывается шутник. Почему бы и нет».

23

– Вы должны попробовать телятину, – говорит Томас. – Телятина здесь всегда хороша. Поляк отказывается:

– У меня не крепкий живот, особенно по вечерам.

Он заказывает салат и ньокки с соусом песто.

«Крепкий живот» – какое-то польское выражение? Живот у него определенно не большой. Поляк скорее – она подбирает слово, которым пользуется нечасто, – *cadavérico*, костистый, как труп, как скелет. Он должен завещать свое тело медицинскому факультету. Они оценят такие большие кости, на которых можно практиковаться.

Шопена похоронили в Париже, но потом, если она правильно помнит, какое-то патристическое общество эксгумировало прах и перевезло на родину. Хрупкое, почти невесомое тело. Тонкие косточки. Достаточно ли велик этот человек, чтобы посвятить ему жизнь, – мечтателю, ткущему изысканную материю звука? Для нее это важный вопрос.

В сравнении с Шопеном и даже с его последователем Витольдом она не заслуживает внимания. Беатрис это понимает и принимает. Однако она имеет право знать, тратит ли впустую часы, терпеливо слушая треньканье клавиш или скрежет конского волоса по струне – когда могла бы кормить бедных на улице, – или это часть более важного замысла? Ей хочется крикнуть ему: «Говори, докажи, что твое искусство, что все это – не зря!»

24

Разумеется, он понятия не имеет о том, что творится у нее в душе. Для него она – часть бремени, которое приходится нести из карьерных соображений: одна из тех прилипчивых богачек, которая не оставит его в покое, пока не вытрясет положенное. Как раз в эту минуту он на своем медлительном, но правильном английском излагает историю, которая должна понравиться такой, как она, – о своем учителе, который сидел над ним и всякий раз, стоило ему сфальшивить, бил по рукам линейкой.

25

– А теперь вы должны признаться, Витольд, – говорит Эстер, – какой город из тех, где вы гастролировали, понравился вам больше всего? Где – разумеется, за исключением Барселоны – вас лучше всего принимали?

Не давая возможности поляку ответить – признаться, какой из городов понравился ему больше всего, – она, Беатрис, вмешивается в разговор:

– Прежде чем вы ответите, Витольд, не могли бы мы на минуту вернуться к Шопену? Как вы считаете, почему он продолжает жить? В чем его важность?

Поляк одаривает ее холодным взглядом.

– В чем его важность? Он рассказывает нам про нас. Про наши желания. Которых порой мы сами не осознаем. Таково мое мнение. Когда мы желаем того, чего не можем иметь. Рассказывает о том, что выше нас.

– Я не понимаю.

– Вы не понимаете, потому что мне не хватает английского, чтобы объяснить, впрочем, я не сумел бы объяснить это ни на одном языке, даже по-польски. Чтобы понять, вы должны перестать говорить и начать слушать. Позвольте говорить музыке, и тогда вы поймете.

Она не удовлетворена ответом. Дело в том, что она слушала, максимально сосредоточенно, но ей не понравилось то, что она услышала. Будь она с ним наедине, без супругов Лесински, Беатрис высказалась бы более откровенно. «Это не сам Шопен отказывается говорить со мной. Это ваш Шопен, Витольд, Шопен, который использует вас как медиума». Так бы она ему сказала и продолжила: «Клаудио Аррау – вы его знаете? – остается для меня лучшим интерпретатором, лучшим медиумом. Через Аррау Шопен говорит с моим сердцем. Разумеется, Аррау не поляк, может быть, чего-то он не сумел расслышать, какую-то тайну, доступную только землякам Шопена».

26

Вечер идет своим чередом. На тротуаре перед рестораном супруги Лесински откланиваются («Для нас это было большой честью, маэстро»). Ей остается проводить его до отеля.

Выговорившись, они молча сидят в такси, бок о бок. Что за день, думает Беатрис. Поскорей бы добраться до кровати.

Она слишком остро ощущает его запах: мужской пот и одеколон. Конечно, на сцене под светом софитов всегда жарко. А сколько усилий требуется, чтобы нажимать на все эти клавиши, одну за другой, ни разу не перепутав! Запах можно извинить, но все же...

Они подъезжают к отелю.

– Спокойной ночи, милостивая госпожа, – говорит поляк, берет ее руку, сжимает. – Спасибо. Спасибо за глубокомысленные вопросы. Я этого не забуду.

Затем он уходит.

Она разглядывает свою руку. После недолгого отдыха под этой огромной лапищей ладонь кажется меньше. Впрочем, повредить ее он не повредил.

27

Спустя неделю после отъезда поляка в адрес концертного зала на ее имя приходит посылка с немецкими марками. В посылке компакт-диск – его запись шопеновских ноктюрнов – и приписка по-английски: «Ангелу, который присматривал за мной в Барселоне. Молюсь, чтобы музыка с ней заговорила. Витольд».

28

Нравится ли ей этот мужчина, Витольд? Скорее да. Она испытывает легкое сожаление, что никогда больше его не увидит. Ей по душе его осанка, его гордая поза, когда он сидит. Его предупредительность, серьезность, с которой он ее слушает. «Женщина, задающая глубокомысленные вопросы»: ей по душе, что он это заметил. Также Беатрис забавляет его английский с безукоризненной грамматикой и идиомами не впопад. Что ей не нравится? Много чего. Особенно его зубные протезы, слишком белоснежные и сияющие, слишком ненатуральные.

Часть вторая

1

Этой ночью она отлично выспалась. Утром погружается в привычную рутину. Она обещает себе, что найдет время послушать компакт-диск, но потом забывает.

Спустя несколько месяцев приходит мейл. Где он взял ее адрес? «Достопочтенная госпожа, я даю мастер-классы в Жироне, в консерватории Фелипе Педреля. Ваше гостеприимство не забыто. Могу ли я оказать вам ответное? Если вы приедете в Жирону, я с удовольствием отплачу вам за ваше радушие. Готов встретить вас на вокзале в любое время». И подпись: «Ваш друг Витольд с трудной фамилией».

Она отвечает ему: «Дорогой Витольд, друзья в Барселоне с удовольствием вспоминают ваш визит. Благодарю за любезное приглашение. К сожалению, занятость не позволит мне приехать в Жирону. Желаю вам успешно провести мастер-классы. Беатрис».

Она наводит справки. Человек с трудной фамилией не соврал: он дает мастер-классы в Жироне. Почему именно в Жироне? Он определенно не нуждается в деньгах.

Чем больше она думает о его возвращении в Каталонию, тем более странным оно ей кажется.

Она пишет ему второе письмо: «Почему вы здесь, Витольд? Пожалуйста, будьте честны со мною. У меня нет времени на красивые выдумки. Беатрис».

Она удаляет: «У меня нет времени на красивые выдумки» и отправляет мейл. У нее нет времени не только на выдумки, но и на околичности, игру слов, завуалированные намеки.

Ответ приходит сразу: «Я здесь ради вас. Я не забываю».

2

Весь день она размышляет об этом «ради вас». Что бы ни значили эти слова по-английски – или по-польски, который, вероятно, стоит за его английским, – что они значат на самом деле? Он здесь ради нее, как в пекарню заходишь ради того, чтобы купить хлеб? И как понимать его «здесь»? Что это ему дает, если его «здесь» означает Жирону, а ее «здесь» в Барселоне? Или он здесь ради нее, как человек в церкви ради Гос-пода?

3

В молодости она всегда следовала порывам. Доверяла своему сердцу. «Да», говорило ей сердце. Или «нет». Но (слава богу!) она уже не молода. Она стала мудрее, стала благоразумнее. Видит вещи такими, как они есть.

И что же она видит в поляке? Мужчину на закате карьеры, вынужденного в силу обстоятельств – возможно, финансовых – взяться за работу, согласиться на которую в иные времена он счел бы ниже своего достоинства (консерватория Фелипе Педреля – не самое престижное учебное заведение), мужчину, который, оказавшись в одиночестве в чужом городе, решает затеять интрижку с женщиной, случайно встретившейся ему на пути. Если она согласится, что это говорит о ней? Или даже так: что это говорит о ней, если этот мужчина считает, что она способна согласиться?

4

Кроме мужа, у нее не было серьезных отношений. Однако Беатрис годами выслушивала признания и откровения подруг. Она также не обошлась насчет того, как обычно ведут себя мужчины ее круга. Из своих наблюдений она не вынесла ни большого уважения к мужчинам с их потребностями, ни желания, чтобы волна мужской страсти захлестнула ее с головой.

Беатрис никогда не любила путешествовать. Муж считает ее нелюбопытной. Он ошибается. Она любопытна, даже очень. Но ее интересует не широкий мир и не секс. Так куда же направлено ее любопытство? Ей любопытна она сама. Любопытно, почему, несмотря ни на что, мысль о поездке в Жирону щекочет воображение и вызывает улыбку.

5

Она без труда находит дорогу к консерватории – безликому зданию в старой части города. Коридоры пусты (середина дня). Следуя за знакомой мелодией, она открывает дверь с табличкой «Зал № 1» и оказывается в конце небольшого концертного зала. У рояля на сцене поляк и какой-то юноша. Она бесшумно опускается на сиденье. Студенты числом около тридцати, составляющие аудиторию, не обращают на нее никакого внимания.

Прорабатывается медленная часть второго фортепианного концерта Рахманинова. Юноша исполняет жалобную и тягучую вступительную мелодию. Поляк кладет ему руку на плечо.

– Ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля-а, – пропевает он, вытягивая последнее «ля». – *No demasiado legato*⁴.

Юноша начинает снова, стараясь не увлечься *legato*.

В широких брюках и рубашке с расстегнутым воротом поляк выглядит более расслабленным, чем ей запомнилось. «Отлично. Надо же, выучил несколько слов по-испански!» Хотя, чтобы преподавать музыку, много слов не надо. *Sì. No*⁵.

Она еще не слышала, как он поет. Голос у него неожиданно низкий, текучий, словно темный поток.

6

Однако в этой сцене ее занимает не музыка, а драма. Поскольку эти двое на сцене, поскольку в зале сидят зрители, учителю и ученику волей-неволей приходится играть роли. Как юноша относится к советам, с которыми, возможно, не согласен (вероятно, *legato* ближе его сердцу)? Принимает он точку зрения учителя или бунтует? Или делает вид, что принимает, но внутренне бунтует, обещая себе, что потом, уже без поляка, вернется к первоначальному замыслу? А что поляк? Играет он роль деспота или по-отечески мягкого наставника?

7

Поляк наклоняется и исполняет прерывистые начальные аккорды. Поет голосом кларнета: «Ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля-а». Затем вступает правая рука, и Беатрис немедленно слышит разницу. Меньше *legato*, меньше чувства, больше напряжения, подъема.

⁴ Не увлекайтесь легато (*исп.*).

⁵ Да. Нет (*исп.*).

Юноша повторяет и на этот раз делает все правильно. Какой молодец. Схватывает на лету.
– Продолжайте, – кивает поляк.

8

Урок окончен, студенты расходятся. Она остается в глубине зала. Поляк подходит к ней. Что он ей скажет?

Он берет ее за руку. Благодарит по-английски за то, что приехала. Выражает удовольствие, что снова ее видит. Хвалит ее платье. Его комплименты не нравятся Беатрис. Слишком гладкие, отрепетированные. Впрочем, скорее всего, это его английскому не хватает легкости. Возможно, в Польше он считается весьма обходительным господином.

Она тщательно подбирала одежду. Это значит – одета она строго.

– Мы можем поговорить? – спрашивает Беатрис.

9

Они гуляют по аллее вдоль реки. Стоит погожий осенний день. Падают листья, и все такое.

– Я снова спрошу, – говорит она, – почему вы здесь? Что забыли в Жироне?

– Приходится где-то быть. Нельзя находиться нигде. Это свойственно людям. Но нет, я здесь ради вас.

– Вы так говорите, но что означают ваши слова? Чего вы хотите от меня? Вы же пригласили меня не для того, чтобы я посетила ваш мастер-класс? Хотите, чтобы я с вами переспала? Тогда позвольте сказать сразу: на это не рассчитывайте.

– Не сердитесь, – говорит он. – Пожалуйста.

– Я не сержусь. Я раздражена. У меня нет времени на игры. Вы пригласили меня. Зачем? Почему она сердится? Ей нужно от него что-то, что он отказывается ей дать?

– Дорогая госпожа, – говорит поляк, – помните поэта Данте Алигьери? За всю жизнь его Беатрис не обмолвилась с ним ни словом, но он любил ее до конца своих дней.

Дорогая госпожа!

– И поэтому я здесь – чтобы узнать, что вы намерены любить меня до конца своих дней?

– Мне не так уж много осталось, – говорит поляк.

«Бедный глупец, – хочется сказать Беатрис. – Ты пришел слишком поздно, праздник окончен».

Она качает головой.

– Мы чужие друг другу, вы и я, – говорит она. – Мы принадлежим разным мирам, разным реальностям. Вы живете в одном мире с вашим Данте и вашей Беатриче, я – в мире, который привыкла называть реальным.

– Вы даете мне покой, – говорит поляк. – Вы – мой символ мира.

Она, Беатрис, символ мира! В жизни не слыхала подобной ерунды.

10

Они идут дальше. Река медленно несет свои воды, дует легкий ветерок, под ногами расстилается тропинка. Детали, несущественные, но неслучайные. С каждым шагом ее настроение улучшается.

– Когда вы занимались со студентом, вы пели, – говорит она. – Никогда не представляла вас певцом. У вас приятный голос.

– Я певец по материнской линии. По материнской линии музыкант.

Маменькин сынок. Возможно, он ищет материнского тепла?

Время истекает. Либо он выскажется, либо она сядет в машину и вернется домой, и на этом все закончится. Это его выход. Ему придется спеть свою коронную арию – Беатрис этого ждет. На итальянском, испанском, английском, не важно. Хоть бы и на польском.

– Дорогая госпожа, – говорит поляк, – я не поэт. Могу лишь сказать, что с тех пор, как я встретил вас, вы, ваш образ не выходит у меня из головы. Я переезжаю из города в город, из города в город, это моя работа, но вы всегда со мной. Вы охраняете меня. Внутри меня мир. Я говорю себе: я должен найти ее, она – моя судьба. Поэтому я здесь. Как же я рад вас видеть!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.